

радость жизни

МАРИНА
ТУРОВСКАЯ

Ниночка

Нина давно привыкла, что
ее появление действует на
мужчин гипнотически. Она
продуждала практически во всех
представителях сильного пола
те самые чувства и инстинкты,
что отвечают за продолжение
рода на Земле.

Марина Туровская

Ниночка

«ЭКСМО»

2011

Туровская М.

Ниночка / М. Туровская — «Эксмо», 2011

Кто-то живет осторожно, трогая жизнь, словно холодную воду, и никак не решаясь войти в нее. Ниночка другая. Она ничего не умеет делать вполсилы. Энергия так и брызжет из ее зрелого, словно сладкая упругая ягода, тела. Ее любовь похожа на ураган, готовый снести на своем пути все препятствия. Только найдется ли мужчина, который сможет быть с ней рядом?..

© Туровская М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Ниночка	5
Иван	9
Нина	13
Через полтора года	15
Нина	24
Юля	25
Иван	27
Нина	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Туровская

Ниночка

Ниночка

Деревня Кашниково

Нинка сидела на берегу ручейка, вязала крючком ажурную кофточку и смотрела на зеленые длинные водоросли, обмываемые журчащей чистой водой. Рядом грызла травинку и плевалась в речку Валечка.

Нинке было семнадцать, и она оставалась девственницей. Такое тоже бывает. Нечасто.

Валечка, похваляясь, рассказывала Нинке о вчерашнем приезде Пашки из Пестово.

– ...Он как бы к дяде Коле с покосом помочь, дядька же у него хромой, – светилась любовью Валя. – А сам весь день на наш участок смотрел, меня разглядывал. Слышь, Нинка, а вечером Пашка мне на мобильный звякнул, я и выскочила из дома. И только дошла до сеного сарая, как он меня внутрь затянул и накинулся! Как обнял! – она вздохнула, сдерживая дрожь в голосе. – И тут же абсолютно раздел... В секунду.

Недоверчиво покосившись на подругу, Нина задержала взгляд на ее старой кофте от спортивного костюма, надетой на футболку, под которой проступал плотный бюстгальтер, на тренировочные штаны.

– Прямо в секунду? – съехидничала она.

– А чего там снимать-то? – Валя откинула изжеванную травинку. – Сарафан у меня на голое тело был...

Нинке было немного скучно. Она и в книжках читала об «этом», и по телевизору видела то, о чем говорила Валечка и подружки все уши прожужжали, но сама она к тому, чтобы до нее дотронулся потный мужчина и елозил по ней руками где ни попадя, пока была не готова.

А может быть, она и не очень бы испугалась, но предложений переспать поступало мало. Нинка была полная, высокая, сильно прыщавая, и с пятнадцати лет сексуальные домогательства отметала враз, одним тяжелым ударом. Ее стали называть Бочкой с жиром и еще Тумбой Юханской.

Нинка как-то спросила маму, чем это таким обидным ее дразнят, и мама, которую в детстве тоже дразнили Жиртрестом, пояснила, что Тумбой звали какую-то финскую женщину не то в шестидесятых, не то в пятидесятых годах. Она отличалась большим ростом и весом.

– Ничего, Нинка, потерпи с годик, – наставляла дочку Аня. – Прыщи у тебя сойдут, уедешь из нашего деревенского гадюшника, и будут тебя называть Брунгильдой и Марфой Посадницей. Обе были очень крупными бабами и сами выбирали себе мужиков.

Мать с дочерью тогда сидели вечерами. Правда, не с самоваром, а с электрическим чайником. Но все равно их распаренные после бани лица, просторные рубахи, пирог и пирожки на столе, большие чашки с чаем и старая хрустальная сахарница напоминали сценку типичного деревенского чаепития.

– А Брунгильда кто? – спросила Нинка, стесняясь уточнить о Марфе. – Я про Посадницу по истории что-то слышала, а про эту...

Тетка Аня задумалась, вспоминая мифологию, хлебнула чайку и, чтобы не вдаваться в подробности, которых так и не вспомнила, пояснила:

– У скандинавов или германцев была такая воительница, а может, королева. Все время воевала да с мужиками разбиралась. Очень сильная, говорят, была девушка. Короче, она как Зена в твоём детском сериале.

Имя Зены тогда Нинку успокоило.

Была, была у Нинки тайная любовь – к высокому и красивому Алексею, работавшему то пастухом, то трактористом. Но тот, прогулявшись по всем окрестным деревням, не затронул только тех баб, кому за пятьдесят, и Нинку. А потом родная Нинкина тетка Оля прибрала Алексея со всеми потрохами и женила на себе, несмотря на разницу в пятнадцать лет. Тетя Оля – женщина красивая и властная, к тому же самая богатая невеста на весь Боровичский район. Перечить Ольге боялись все, даже местное начальство.

Так что не случилась пока у Нинки любовь.

– Эй!

На берег речушки спускалась громогласно-горластая тетка, Нинкина мать. Известная скандальность Анны также отбивала у местных ребят желание заняться любовью с Нинкой.

Нина отвлеклась от вязания и обернулась на шум съезжающего по откосу нехилого мамкиного тела.

– Нинка, подь сюда! Там твоя бабушка к нам в гости пришла. В светлой комнате сидит, чай пьет, тебя требует.

Нинка увидела, как вздрогнула Валечка.

– Ой, Нин, – подруга быстро зашептала, жадно вглядываясь в ее глаза. – Спроси у бабы Полины заговор на парня, только запиши подробно, чтобы не перепутать.

Нинка вздохнула, и дряхлый, еще от бабушки, сарафан предупредительно треснул на ее типично российской фигуре.

– Нельзя, Валя. Не стоит. Приворожишь, а он вдруг осточертеет?

Валечка повернулась к подруге всем телом.

– Кто? Паша? – Валька смотрела на Нину с тем самым выражением, с каким смотрят на человека, объявившего, что завтра зацветут все окрестные деревья, хотя на дворе февраль и на лету мерзнет плевком. – Он не может надоесть! У нас настоящая огненная страсть!

«Вот ведь слов из сериалов нахваталась, – подумала Нинка. – Лучше бы не про любовь, а ситкомы смотрела, там хоть посмеяться можно».

Нинкина мать попыталась затормозить и прислушаться к разговору девчонок, но глина на берегу после двух дождливых дней не смогла выдержать напора ее мощного тела и осела, протаскив вниз тетку Анну почти до самого берега, где сидели подруги. Она встала и отряхнула растянутую старую трикотажную юбку.

«Небогато живем», – спокойно подумала Нина.

– Ой, е! Блин! Упала! – Тетка Анна сняла с юбки налипший репейник и хитро сощурилась: – Валька, а не тот это Пашка, что васьковской Зинке, с соседских Укоромелей, мальчонку сделал?

Валентина, зарозовев, со скромной гордостью согласилась:

– Да, он любую уломает.

– Да ты сама кого хочешь... – тетка Анна безнадежно махнула загорелой рукой. – Так он сейчас о чем-то с твоим братом разговаривает, я их около автолавки видела, они литр спирта взяли.

Валентина подскочила, отряхнула спортивные штаны и, уже отстраненно помахав Нинке, побежала к селу, крикнув напоследок:

– Нинка, про мою просьбу не забудь!

Мать встала над Нинкой.

– Ну что? Идешь или опять бабку боишься?

Нинка встала, поправила на большой груди семейный тридцатилетней давности сарафан и взглянула в чистую проточную воду речушки.

– Иду, мам. А ты москвичам в третьем доме молоко снесла?

Как же сейчас хотелось Нинке уйти подальше от собственного дома и засесть у кого-нибудь в гостях до тех пор, пока бабушка Полина, упившись чаем, не соберется к себе, в соседнюю деревню.

Голос матери отвлек от мечтаний.

– Нинка! Сколько можно уваливать, твою мать? Это, между прочим, мать твоего отца, царствие ему небесное. – Мать перекрестилась, и в подмышках плотной футболки белесо мелькнули полукружья, вытравленные потом и стирками. – Твоя порода! Иди и разбирайся!

Нинка не стала напоминать, что не она сама выбирала себе папу, как и всех других родственников. Она повернулась к откосу и принялась неуклюже забираться вверх по скользкой сочной траве. Толстая попа настойчиво тянула вниз, но Нинка справилась, выбралась.

Мать по пути во весь голос спрашивала о похождениях красавицы Валечки, но Нинка не отвечала. Ей было страшно идти домой.

Бабушка Полина сидела за большим столом и ждала. Ждала ее.

Бабушка была редкостной женщиной. Высокая, худая, с большой бородавкой на подбородке, с властным характером и таинственным влиянием на всех женщин Боровичского района.

– Пришла, – выдохнула бабушка и сощурила глаз. Бородавка на сморщенном подбородке поехала вверх. – Мне, между прочим, помирать пора.

Моментально испугавшись, Нинка покосилась на молчащую у порога мать и быстро заговорила:

– Мне, ба, хочется в медицину пойти. В Новгород на медсестру поеду учиться.

Старуха остро взглянула на единственную дылду внучку, на горластую и не самую умную невестку, на чистые дощатые полы... Не нравились ей обои в мелкий цветок, цветочки для нее сливались в сиреневые пятна. Большие фотографии в рамках смотрелись мутно, но она наизусть знала, где лица родителей Анны, а где портрет ее ненаглядного сына Сереженьки, погибшего пятнадцать лет назад на Дальнем Востоке, куда он уехал бороться с браконьерами. Браконьеров посадили, а Сереженьку не вернешь.

Зато Нинка вся в него – умная и красивая.

– Может, это и неплохо. Нам это близко... – Бабушка Полина проморгалась, и цветочки на обоях проявились заново. – Но ты особо от трав не отходи. Когда едешь?

Нинка посмотрела на темные образы над телевизором.

– Послезавтра.

Бабушка вздохнула.

– Чего, спрашивается, я сюда пришедши? – спросила она у себя самой. – А! Объясняю. Мне показалось, что темнота какая-то над тобой образовалась, вроде ты в город поедешь, и там... Ну бог с тобой. В Новгород, говоришь? Ладно, езжай. Но чтобы девственницей вернулась!

И она застучала темным скрюченным, со сложащимся ногтем пальцем по столу. От стука подскочили пустые после пятого чая чашки. Мать тоже вздрогнула.

– Слышь?! Девкой!

– Да я девственницей до свадьбы буду... – начала объясняться Нинка.

Бабушка ее не слушала. Встала, подхватила клюку.

– Не зарекайся... Анька, где малиновое варенье, что ты в этом году сваривши? Клади две банки в сумку. И до конца деревни меня проводишь, а то ноги плохо ходят.

Нинка, не очень верующая в бога, на всякий случай перекрестилась на образа.

А Валя все-таки упростила бабушку Полину приворожить к ней Пашку. Приходила три раза, плакала и говорила, что покончит собой, если Пашенька вернется от нее к Зинке в родную деревню.

– Не самый лучший парень этот твой Пашка, – устало говорила бабушка Полина, за почти сто лет жизни привыкшая к уверениям в вечной любви девушек и парней. – Да и глупости все это, с заговорами. Заговоры не на Пашку или Машку делаются, а для себя, для уверенности.

– Он самый лучший. И красивый! – настаивала, не слушая бабушку, Валентина.

– Хорошо. – Бабушка Полина чуть хлопнула темной ладонью по столу. – Помогу я тебе. Только обещай, что если пройдет твоя «любовь навеки», так никого не вини, кроме себя. Теперь запоминай, что делать, и не перепутай.

Иван Москва

Полтора года каждый день, идя с работы на съемную квартиру, Ваня с боязнью ожидал, что Нади там не будет. Иногда она действительно задерживалась у родителей или у подруги. Но ненадолго. Поздно вечером, в крайнем случае утром, она возвращалась. И Ваня радостно ее встречал.

Конечно, он не набрасывался на нее с объятьями и поцелуями и уж тем более не тащил в постель. Такого обращения Надежда не терпела. Но он мог хотя бы напоить ее чаем, а после прилечь рядом на кровати. Естественно, не дотрагиваясь до вожаемого тела, зато вдосталь им любясь.

Наденька, высокая и аппетитная, ложилась на широкую кровать в короткой шелковой комбинашке на тонких бретельках, и Иван замирал от счастья, разглядывал ее бедра и выставленный бок, круто вниз уходящий к талии. Большая грудь при движении дразнила показавшимися темными сосками. Но как только Иван тянул руку, тут же слышал недовольное Наденькино: «Не надо!» и отодвигался, истекая желанием.

Сам Ваня был невысок и не обладал ни широкими плечами, ни накачанными ногами. В общем, не шел ни в какое сравнение с красавцами телеэкрана и журналов. Хотя мама с бабушкой считали, что Ваня один из самых интересных мужчин, и даже его усы, которые Надя в минуты ссор называла мужицко-деревенскими, казались им мужественными.

С сексом у Вани и Нади начались проблемы месяца три назад. Секс случался все реже, Наденька была все более равнодушной. Зато хозяйкой она оставалась прекрасной. С утра до вечера убирала их однокомнатную квартирку, готовила много и вкусно, бегала по распродажам, покупая им обоим одежду.

Иногда они ездили то к ее, то к его родственникам, ходили в кино. Изредка выбирались на шашлыки со знакомыми. В общем, все как у всех, и его, Ванечку, такая жизнь очень устраивала. Даже холодность Надежды не пугала.

До двадцати семи лет Ваню воспитывали мама и бабушка, которые вылили на него столько нерастроченной любви, что ему пока хватало.

А Наденьки, когда он вернулся в среду с работы, все-таки дома не оказалось. И ее вещей тоже. Правда, она забыла домашние тапочки, зубную щетку и початую пачку гигиенических прокладок, но вряд ли этот «бабский набор» был оставлен как повод к возвращению.

Стыдясь сам себя, Ваня начал розыск любимой – сначала набрал номер родителей Наденьки, и они, заминаясь и извиняясь, ввали ему в телефонную трубку, что не представляют, где сейчас находится дочь, но совсем недавно она звонила и обещала быть у них в понедельник. Зная, что родители были настроены против женитьбы Нади и Вани, считая жениха бесперспективным, он больше им не звонил.

Следующими по списку оказались две приятельницы Нади. Одна, сославшись на занятость, не стала разговаривать. Зато Алла, между своими называемая Алка-давалка, тут же пригласила Ванечку к себе.

– Покупаешь коньячка литр, деликатесик типа сыровяленой колбаски и сыр с синей плесенью, с зеленой не бери, она пахнет по-другому. Фруктиков типа винограда, апельсинчика, авокадика, и ко мне. Жду тебя, Ванька.

Купив все, что было заказано Аллой, Иван через час стоял под ее дверью и жал на кнопку звонка.

– Ой, ты мой хорошенький, – прямо с порога засюсюкала Алла и полезла целоваться. Было видно, что выпила она не одну рюмку и даже не три. – Проходи в столовую, я там своего Вадика пропиваю.

На Алле красовалась только шелковая ночнушка, практически не прикрывающая ни плоскую грудь, ни худые длинные ноги. Алла никогда не была во вкусе Вани и эротических эмоций не вызывала. Сейчас она была ему необходима как источник информации и как жилетка, чтобы поплакаться.

– Почему одна, без Вадика? – не понял он, передавая Алле пакет с едой. – Поругались, что ли?

– Вань, ну ты вообще самый наивный человек, которого я видела. – Алла недобро рассмеялась. – Вадька мой жениться надумал. У него программа такая – заработать к тридцати годам первые сто тысяч евро и жениться.

– Слегка догадываюсь, что женится он не на тебе, – все еще не понимая, о чем идет речь, посочувствовал Ваня и прошел в комнату.

Квартира Аллы была типичным жилищем женщины, за которую платят мужчины. Евро-ремонт, лучшая сантехника и современная мебель.

Распаковывая продукты и тут же сервируя стол, нарезая закуску в красивые тарелки, Алла прищелкивала языком и покачивала головой, всем видом показывая, насколько Ваня еще ребенок.

– В упор ничего не видишь. Нет, он не на мне, он на твоей Надьке женится! Они уже три месяца любовники.

– То есть как? – Ваня сел на стул, и его руки опустились. – Какие любовники? Мы же так хорошо жили.

– Это ты с нею хорошо жил. – Алла достала из пакета бутылку коньяка и с хрустом свернула крышку. – А ей с тобой было скучно. Она считала тебя перевалочным пунктом, запасным аэродромом. Зато мой рациональный Вадик ее полностью устроил.

Коричневая ароматная жидкость лилась в рюмки, Иван смотрел на нее, затем поднял взгляд на Аллу.

– Аэродромом? Запасным? Но я же хороший специалист... – растерялся Ваня. – Ко мне теперь пациенты записываются.

– Поразительно! – Алла уперла руки-веточки в бока. В правой руке сверкал нож с нашлапками дорогого сыра в плесени. – Ты обыкновенный стоматолог, Ваня! А у Вадика автосалон, автосервис и автомойка!

Алла кричала, потрясая ножом. Небольшие груди тряслись под шелком, глаза были злыми. Ваня нахмурился и тихо сказал:

– Не по-человечески это, – и потянулся к наполненной рюмке. – А может, они еще не того?

– Того, того, – уверила успокоившаяся Алла, залпом выпивая коньяк. – Она уже переехала к нему, завтра заявление подадут... – В глазах Аллы неожиданно показались слезы. – Как трахаться с утра до вечера или подложить под нужного человека – так я, а как жениться – так правильная Надечка, которая, оказывается, хорошая хозяйка. А то, что я Вадика ни разу по своему желанию не изменила, так это не считается, я все равно б..., а Надя святая. Вань, ну почему так?

Алла пьяно разрыдалась и снова разлила коньяк. Ваня выпил залпом. Желание напиться росло с каждой рюмкой.

Второй бутылкой стала литровая водка, за которой Ваня спустился на первый этаж в круглосуточный магазин.

Употребив коньяк на голодный желудок и будучи человеком малопьющим, он долго не мог сориентироваться, какую выбрать марку водки.

Правильно оценив и «теплое» состояние единственного в три часа ночи покупателя, и его финансовые возможности, продавщица втюхала Ване самую дорогую в магазине водку – литровую «Премиум Платинум».

Эту бутылку они допили до половины. И когда Алла стала приставать к Ване, он уже не сопротивлялся.

В пьяном угаре прошло два дня. И Ваня, и Алла сильно отравились и мучились похмелем.

– Знаешь что? – лежа в кровати, Алла лениво курила. – Я начинаю новую жизнь. Сейчас похмелимся и разбегаемся, – она села в кровати, прикрыв одеялом грудь, вернее, почти полное ее отсутствие. – Меня приглашают в адвокатскую контору по прямой специальности. Буду богатых сволочей за деньги от тюрьмы отмазывать. Хватит в любовь играть, надо зарабатывать реальные деньги и строить карьеру. Как говорят американцы, хочешь отомстить – стань богаче. И тебе, Ванька, пора уже Иваном становиться.

Ивана тошнило, болела голова, сердце билось в горле, дрожали руки. В общем, типичное русское тяжелое похмелье. Думать о новом образе жизни не хотелось. Хотелось заснуть и проснуться здоровым, чтобы сама собой перестала трещать голова и исчезла тошнота.

– Все, Ванька, – Алла, не морщась, выпила рюмку водки, – подъем. Сейчас сделаю генеральную уборку, завтра попрошусь на прием к своему бывшему однокурснику, Петру, оттрахаю его и начну трудовую деятельность.

– Я не могу встать, – заканючил Ваня. – Мне плохо.

– Всем плохо, – Алла встала, не стесняясь наготы. Фигура у нее была неплохая, но, на вкус Вани, слишком худая. – Я тебя жалеть не собираюсь. Хватит, нажалелась вас, мужиков. Тебе тоже пора за ум браться. Будешь водки?

– Нет! – испугался он. – Я уж лучше на сухую перемучаюсь. Господи, как же мне плохо-то.

Ваню опять потянуло в туалет. Там его тяжело вырвало, но стало легче.

Он не решился вернуться в квартиру, из которой ушла Надя, и сразу поехал к матери с бабушкой.

Два дня Ваня болел, и бабушка капала ему корвалол, а мать тайком уговаривала попить винишка, коробки с которым стояли у стеночки на кухне и в ее комнате. От самого слова «винишко» Ваню выворачивало наизнанку.

Эти два дня оказались поворотными в жизни Вани. Он перестал быть Ванечкой. И все, включая маму и бабушку, стали звать его Иваном.

Немного успокоившись, он расплатился за съемную квартиру, собрал вещи. Их оказалось не много и не мало. Освободив шкафы в комнате и шкафчики на кухне и в ванной, Иван, у которого тогда еще не было автомобиля, половину вещей сгреб в пакеты и выбросил на ближайшую помойку.

Через неделю он сам для себя написал план жизни на ближайшие десять лет. В него входил карьерный рост, приобретение квартиры и вложение денег в собственный бизнес, то есть в клинику, где он работал стоматологом. Женитьба тоже входила в план, но через десять лет.

Его жена будет из обеспеченной семьи, с прекрасным образованием, хорошо зарабатывающая. Естественно, она не должна ни пить, ни курить, потому что еще через три года они родят сначала одного ребенка, а через два года другого.

На работе стал пропадать сутками, зарабатывая больше всех.

Владелица клиники, Эльза Евсеевна, не могла нарадоваться на Ивана. Она смело повышала цены на его услуги. Иван, специальностью которого была эстетическая стоматология, мог принять пациента с острой болью или подменить хирурга, избавляющего рот от гнилого безнадёжного зуба или выросшей на челюсти кисты.

Вопрос возникающего иногда сексуального голода он решил просто – завел роман с медсестрой Ларисой, своей ассистенткой.

Тридцатилетняя Лариса мечтала выйти замуж за москвича. Ивана она считала потенциальным женихом – зарабатывает много, есть квартира. Ещё он весьма продвинут в сексе, хотя сам не яркий красавец, что очень устраивало ревнивую Ларису. По сторонам глазами не особо стреляет.

Иван о планах Ларисы знал, но они не состыковывались с его планами. Девушка была из Рязани, воспитана матерью-одиночкой и без высшего образования. И по статусу, и по материальным требованиям такая кандидатура, естественно, ему в невесты не подходила.

Нина Деревня Кашниково

Нина поступила в медицинское училище и училась хорошо. Ее не пугали кровь, раны и язвы. Даже практика в морге прошла без особых потрясений.

Каждые каникулы она приезжала домой, в Кашниково. В нормальную погоду копалась на огороде, в плохую и зимой находились дела по дому.

Бабкиного наказа о сохранении девственности держалась все два года учебы.

Соскучившись по родному дому, все лето после училища крутилась между огородом и лесом, очень любила собирать ягоды и грибы. Они с матерью заготовили почти триста банок овощей, грибов, компотов и варений. Уезжать из деревни не хотелось, но Нина на собственном опыте знала то, о чем всегда говорят в деревнях, – с местными зарплатами ей здесь делать нечего.

Нина поехала сначала в Новгород, в областную больницу, но ее туда не взяли, аргументируя отказ отсутствием опыта работы. Пришлось пытаться счастья в районной Боровичской больнице, где в подвале, на техническом этаже, предоставлялись комнаты тем, кто был согласен работать в две смены да еще не отказывался выходить сверхурочно.

Условия оказались непростыми. После деревни с ее просторами, после дома-пятистенка, где из окна открывался вид на поля и дальние перелески, на речку в кудрявых ивах, на смешанный, из елей, берез и орешника, лес, сидеть в комнатухе без окон, с двухъярусными кроватями на шесть человек, было элементарно душно.

Иногда Нина оставалась ночевать в своем отделении, на диванчике склада АХО, где пахло стиранным постельным бельем и из окна были видны окна соседних зданий.

Вот именно там через полгода работы, когда она, полуживая от усталости, вышла на внеочередное дежурство, с нею и случилось «это».

Так если бы хоть врач или студент медицинского института, а то достался ей пациент лет сорока с совершенно средними внешними данными. За полтора месяца своего пребывания в неврологическом отделении он осчастливил Нину шоколадкой и двумя апельсинами.

Лежал он с ишиасом и, как только его отпустило, затащил Нину в комнату сестры-хозяйки и на стопах свежестырянных простыней, не особо потратившись на ласки, лишил девственности.

Нина, отвалив от себя тяжелое тело, одернула полы юбки и халата и, теребя в руках трусики, заплакала. Простыня под нею была в мелких пятнах крови.

– Чего, не понравилось? – удивился ишиасник.

Хлюпнув повлажневшим от слез носом, Нина закашлялась и отвернулась от сразу же ставшего неприятным в своей полунагоде мужчины.

– Нет, я думала, что это как-то по-другому будет, в первый раз-то.

– Что?

Пациент готов был возмутиться и объявить любимый лозунг сомневающих в себе мужиков, что все женщины шлюхи и что она притворяется. Но, наблюдая за Ниной почти каждый день, он знал, что она из тех людей, что никогда не врут.

– Что же ты почти до тридцати лет в девках сидишь?

– Мне двадцать лет. – Нина достала из пачки простыней верхнюю и задумалась, как незаметно отнести ее в баки с грязным бельем. – Просто я крупная. Вы идите в палату, я никому не скажу.

Мужчина встал, стыдливо поправляя на себе пижамные штаны. Только теперь, взглядев-шись в наивное Нинкино широкое лицо, он осознал, что случилось.

Лежа на больничной кровати спиной кверху, он видел Нинкину фигуру только от крос-совок до пояса и, разглядывая красивые полные ноги и аппетитный круглый задок, решил, конечно, что все это принадлежит опытной женщине. А на самом деле медсестричка-то совсем еще молоденькая.

Засунув трусики в карман халата, Нина стояла с запачканной простыней в руках и ждала, когда пациент выйдет.

– Извини, – сказал мужчина и тихо закрыл за собой дверь кладовки.

На следующий день он выписался из больницы, сославшись на неприятности в семье.

Нина уволилась через месяц. Видеть она не могла эту больницу.

Наверно, проработай она еще немного, и у нее завелись бы подружки из числа девочек из подвальной комнатухи и старших медсестер, ценящих ее за способность работать много, быстро и на совесть. Но некрасивый случай с потерей девственности закомплексовал Нину, и она, виня себя в дурости, стыдливо уходила от предложений попить вместе чаю или пойти на день рождения. Да и сил никогда не было: после двух подряд смен работы хотелось только спать.

Приехала Нина в деревню зимой. Зима была снежной и очень для нее тошнотной.

Устроилась участковой медсестрой и заведовала единственной на три деревни аптекой.

Деревенский врач, Елена Петровна, жила в соседней деревне. Решили, что Елена Петровна будет обслуживать два ближайших к себе населенных пункта и как врач, и как медсестра, не стесняясь не только сложный диагноз поставить, но и палец перевязать, банки поставить или клизму. А Нина, в свою очередь, не станет лишний раз вызывать врача, если пришла эпидемия гриппа или нужно вправить грыжу.

Анна поняла, что дочка беременна, только когда ей об этом сказала свекровь, баба Полина. Нина по доброте душевной зашла к ней перед Новым годом.

У бабки Полины гульбанили три подружки, каждой из которых было за семьдесят. Телевизор их раздражал молодежным истеризмом, и они веселились под радио «Маяк».

На столе было все, чего не пожалели для бабулек их правнучки и правнуки. Салаты, куры, нарезка дорогой рыбы, сыры, икра... То есть всего по чуть-чуть, а праздничный стол оказался самым богатым в деревне.

Нина пришла в бабкину деревню тоже не с пустыми руками: преподнесла торт «Наполеон» домашнего изготовления и десять свежих яиц. Бабка Полина в последний год кур не держала, с утра до вечера смотрела сериалы и жаловалась на здоровье.

Нина посидела у бабушки с полчаса. Перед ее уходом баба Поля вышла в сени.

– Ты не бойся, теперь за безмужних детей стекла не бьют, все привыкшие, – сказала она тихо и добавила: – Мальчик будет.

– Я знаю, – так же тихо ответила Нина.

– Ну и с богом, – старуха поцеловала Нину в лоб. Они были примерно одного роста, только внука в два раза крупнее.

Бывшая подружка Валентина к тому времени вышла-таки замуж за Пашку. Счастливая своей удавшейся супружеской жизнью, она не простила Нину за отказ помочь приворожить любимого и разговаривала с нею насмешливо. Родив в законном браке, она, как и большинство односельчан, со злобным осуждением косилась на растущий живот Нины.

Через полтора года

Стояла жара. Сиреневые длинные хвосты иван-чая отдельными островками цвели среди высокой травы, дрожали от звона цикад и таяли в мареве своего запаха.

Посередине желтой дороги, в пыли, у старой детской коляски сидела Нина в коротком сарафане на лямках и стучала велосипедным гаечным ключом по скособоченному колесу. В коляске среди свертков и подушек развалился, мусоля сушку, жизнерадостный толстый Сашка. Он слушал голос мамы. А Нина разговаривала с небом, изредка поднимая взгляд от колеса коляски.

– Я тебя очень прошу. Пусть она доедет. Пускай она потом развалится во дворе навсегда, но пусть доедет. Сашка, слава богу, то есть тебе, толстый, и я его не дотащу со всеми этими тряпками. Помоги мне, пожалуйста.

Она перекрестилась, еще несколько секунд посмотрела в облака и перевела взгляд на землю. Еще несколько раз стукнув по колесу, Нина встала и потащила за собой коляску. Скрип от нее заглушал пение птиц и цикад. Ребенок довольно жмурился под широкой панамой и, выкинув первую сушку, засунул в рот с молочными зубами следующую.

Нина буквально затащила коляску во двор бабушкиного дома. Огород в этом году был засажен только наполовину, зато разноцветными букетами повсюду пестрели полевые цветы и сорняки. Особенно густо разрослась аптечная ромашка.

Мать вышла на крыльцо старой избы, нагнулась несколько раз в стороны, разминая поясницу. На ней был надет когда-то выходной костюм, турецкого производства. Темно-пестрый, штапельный, немнущийся – то, что надо.

Анна с улыбкой рассматривала дочь и внука.

– Вы че так долго?

– Мама, это не коляска, это недоразумение какое-то. – Нина показала руки, испачканные в машинном масле. – Я ее на себе везла.

– Ну, скажешь тоже. – Мать поправила русые волосы с протупающей сединой. – Коляской всего-то шесть человек до тебя пользовались. Проходи в дом.

Отгородив себя от крыльца коляской, Нина упрямо забубнила:

– Не пойду. Не пой-ду.

Мать перестала улыбаться, спустилась с крыльца. Не глядя на дочь, раздражаясь от ее упрямства, заворчала, поправляя на внучке панамку:

– Чего это «не пойду»? Не слушай ты соседей, предрассудки все это. Раз уж пришла, заходи. Бабка тебя с Сашкой который день ждет – помереть не может.

Сдерживая забурлившую злость, Нина старалась не повышать голоса и говорила сквозь зубы:

– Мама, я сюда по жаре тащилась, чтобы она правнука перед смертью увидела, ты же меня упрашивала. Вот иди и сама показывай, только в руки не давай. А я в дом не войду!

Мать не хотела, чтобы свекровь померла. У свекрови, бабы Полины, как у заслуженного работника сельского и медицинского хозяйства по деревенским масштабам о-го-го какая пенсия. Все-таки сорок пять лет бабка отпахала фельдшером. А теперь пенсии не будет, крутись только на свои. Но уж очень жаль было Полину Анатольевну, той окончательно надоело жить, скучно стало.

Мимо заборчика бабушкиного участка, откровенно заглядывая во двор, прошла пожилая соседка Роза, остановилась.

– Ну, как там баба Полина-то, а, Сергевна?

Роза, похожая на молодую, лет шестидесяти, бабу-ягу, стояла в полуметре от забора и ближе подходить явно не хотела.

Мать живо обернулась к соседке, надеясь разговорами сгладить напряженную и неприятную ситуацию.

– Да нормально все, надеюсь, недолго осталось, вот внука дочка привезла. Ты б зашла, Розочка, чайку попили бы.

– Ой нет, – соседка обернулась в сторону своего дома. – Идти надо, мой ругаться будет.

И она быстро засеменила, перекрестившись на ходу три раза и тихо повторяя: «Свят, свят, свят...»

Сплюнув ей вслед, мать вытащила из коляски засидевшегося внука, посадила на сгиб левой руки, поправила костюмчик, оглядела дочь.

– Все боятся. Вот родственничков тебе бог дал. – Она поднялась на крыльцо. – Ладно, стой здесь.

– Мам... – Нина качнулась вперед и тут же встала столбом.

– Не волнуйся, не дам я его ей.

Подождав немного, Нина прошла на огород и, чтоб не сильно нервничать, привычно прополола грядку с морковью. Разогнувшись, прислушалась. Тишина.

Обойдя дом, заглянула в открытое окно.

Бабка сидела под образами, разговаривала с матерью. Сашка ленился ходить и ползал по чистому солнечному полу. Нина не вслушивалась в разговор, она заметила, что сынуля ползет к старой прабабушке.

– Мам, смотри, Сашка ползет. Здравствуй, бабушка.

Бабушка не ответила, а мать не слышала Нину, замороженно смотря на говорившую свекровь. Бабка, покосившись умным глазом на внуку, продолжала монотонно рассказывать невестке о погоде в пятьдесят забытом году, когда она, тогда еще просто Полина, наконец-то смогла родить сына. Нина забеспокоилась, постучала по подоконнику.

– Мам, прими Сашку-то. Ма-ам!

Мать ее не слышала.

Ветер сильно прошелся за окном, зашумели кусты сирени и шиповника. Нина видела, что бабка заговорила мать и Сашка ползет прямо к ней, которую по всем деревням звали Полиной Ведьмачкой.

Нина сначала выругалась, затем перекрестилась и влезла в окно.

Подхватила сына у самого старухиноного подола. Бабке было тяжело шевелиться, тем более нагибаться, но она вцепилась в руку внуки. Нинушибануло от ее прикосновения непонятной силой.

Старая рука держала крепко. Бабушка сидела прямо, облаченная в длинное сатиновое глухое платье, все в вылинявших цветах.

– От судьбы, детка, не уйдешь. Посмотри-ка на меня. Передаю от себя к тебе наследственный дар.

Нина посмотрела на очень старое лицо, в мутные, когда-то зеленые глаза, и ей захотелось плакать.

– Бабушка, ну зачем ты так? Не хочу я, чтобы меня всю жизнь ведьмой дразнили.

– Не ведьма, а ведьмачка. Разные вещи. Нина, это в тебе с рождения было, просто я должна умереть. Я очень старая и очень устала. А Сашка в нашу породу, тоже русо-рыжий, и глаз хитрый. А еще сестра у меня сводная была, так по той линии тоже остался дар...

– Бабушка, – Нина невольно заплакала, – что же мне, как тебе или прабабке моей, так и оставаться незамужней? Теперь же меня никто не возьмет.

– Ой, не могу! – Бабушка мелко захохотала, тряся худыми плечами под сатиновым платьем. – Тоже мне проблема. Без мужиков не останешься. Через вот этот самый дар, который в тебе, и найдешь не просто мужа, а любимого человека.

И лицо бабушки стало настолько серьезным, что Нина ей поверила.

Они обе замолчали. Мать очнулась и тихо смотрела на них. Бабушка похлопала старой рукой по коленке невестки.

– Ну что, Аннушка, сведи меня к постеле, ослабла я.

Мать встала, поддержала свекровь, помогла ей лечь на высокую кровать с широким, вязанным крючком подзором.

Нина спустила на пол сына, потянулась и впервые улыбнулась бабке.

– Ну, раз уж это случилось, значит, не надо опять по этой жаре обратно плестись. Чего, мам, у бабки из запасов осталось? На поминки-то хватит?

Бабушка задумалась и вместо матери ответила:

– Не очень богато, но должно хватить. Самогон я в дровяном сарае спрятала. Специально подальше, чтоб мне лень туда идти было... чтоб не баловалась. В подполе какая-никакая закуска. Да не бойсь! Подружки плакать придут – всего нанесут, а кто смерти ведьмачки обрадуется, так те еще больше гостинцев притащат.

Нина сидела у стола вполоборота к бабушке, пила чай и рассматривала комнату. В старом шкафу-горке за стеклом сверкала хрустальная посуда, выставленная напоказ. На стене над кроватью висел точно такой же, как и у них, портрет отца в форме десантника-демпеля, со всеми наградами и белыми аксельбантами, торжественно свисавшими с плеча на грудь.

На трех полках, висящих на стене, плотно стояли книги. «Справочник медика», «Особенности работы сельского фельдшера», «Принимаем роды дома» и еще два десятка томов со скучными, привычными Нине названиями.

– Ба, а что за книги на третьей полке? Не вижу.

– Не видишь, – спокойно согласилась бабушка Полина. – Там нет названий. Это травники. Но самой главной книги нет. Без нее я всю жизнь ведьмачка, а не ведьма.

– Что за книга? – Нина развернулась к кровати. – Инструкция по проведению обрядов?

– Можно сказать и так. – Бабушка подтянула к подбородку покрывало. – Знобит меня что-то. А книжка та особенная, живая.

– Как это? – Нина отхлебнула чаю и поставила большую чашку на стол. – Ты ее видела, что ли?

– Не видела. – Старческие пальцы сильно сжимали покрывало. – Сильная книга, хотя и опасная. Всю жизнь ее искала, но не судьба... А ты съезди в город, поработай. В этот раз темности я не вижу, второго ребенка в подоле без мужа не принесешь.

– Я постараюсь. – Нина потянулась, широко расставив руки. – С одним-то еле справляемся, все денег не хватает, куда уж второго?

– Это верно. Хотя правнучек получился хороший. Я когда Сереженьку увижу, батю твоего, передам, что дочка и внучек у него замечательные, невестка хорошо себя ведет, хоть и всю жизнь дура. – Бабушка провела согнутой артритом и годами ладонью по своим глазам. – Ты сходи, Ниночка, воды наноси, ее скоро много понадобится.

К вечеру бабушка тихо умерла, во сне.

Позвонили батюшке. Тот отпевать отказался наотрез – и ехать далеко, да и Полина-грешница имела не самую лучшую для церкви репутацию.

– И не просите. Никто не уверен даже в том, что она была крещеная. Книги с записями не сохранилось, пожгли их в тридцатые.

Тут Аня запричитала, что в последние годы баба Полина постоянно приезжала на крестный ход на Пасху и жертвовала церкви приличные деньги. Сменив тон, она серьезно добавила:

– Расскажу по деревне о вашем отказе, пусть прихожане узнают, какими вы бываете вредными.

– Я ее заочно отпою, – подумав, решил батюшка. – Теперь это можно. Диктуйте все данные.

Долго ждать не стали, похоронили бабушку Полину через день и шумно, с песнями и плясками, с искренним плачем и прощаниями справили поминки.

В четырех деревнях затаились, боясь спросить, кому старуха передала свой ведьминский дар, ждали, у кого он проявится.

Месяц было тихо, начали уже подумывать, что или ввали про Полину и она просто как медик могла в полвзгляда определить болезнь, или правнуку досталось.

В начале июня подоспели сразу три дня рождения. У владельца сыродельного цеха Геннадия Семеновича, у сорокалетней Оксаны, заведующей сельским магазином, а заодно и его совладелец, и у агронома, не пожелавшего выйти на пенсию, Николая Тимофеевича.

Деревня, где жила бабка, Бабино, та совсем маленькая и умирающая, а где Нина с матерью, Кашниково, – так та большая, на пятьдесят дворов.

Поскольку все друг другу в той или иной степени родственники, то Кашниково, Пестово и Бабино готовились к празднованию дней рождений, как к Новому году. Гулянкой охватывались все возраста.

В позапрошлом году во время этой всеобщей расслабухи и попойки сторел дом пастуха Стаса – хорошо, что без жертв. Стас был счастлив – правление совхоза выделило ему новый дом, где не чадила печка.

В трех именинных домах праздновать начали прилично. С красивым застольем, с гостями в выходных одеждах, с подарками. Приходили и москвичи из двух домов, проданных под дачи. Пили они ничуть не меньше местного населения. Дарили стеклянные салатницы, хотя в широких мисках закуску выставлять сподручнее и не бьются. Еще подарили книги и шампунь – видимо, у них завалились лишние.

Ели и пили весь вечер, пели и пили всю ночь, несколько раз пытались подраться, получилось не очень убедительно.

Утром все страдали похмельем. В деревне практически не осталось трезвого мужика, бабы тоже пили от души, но они хоть иногда переключались на хозяйство и детей и за мужиками не попевали.

Хотя и среди баб некоторые отличились, особенно местная шлюха Мила. Ее опять заметили на сеновале, но по причине пьяного косоглазия выяснить, с кем она копошилась в эту ночь, не смогли. Вечером каждая хозяйка на всякий случай дала подзатыльник мужу и затрепину старшему сыну. За несколько лет Милка прошла по всем мужикам в окрестных деревнях, кто мог бы выставить пол-литру. Все знали, что по праздникам гулевая деваха давала просто так, из щедрости – но авансом.

Нина и Анна знали о ее похождениях больше других: она жила через дом от них, и часто полюбовнички уходили огородами через их участок.

Нина как личность Милу не воспринимала, не высказывая ни осуждения, ни одобрения. Анна искренно Милу ненавидела. В свое время ее Сергей тоже отметил в постели Милки, и Анна, лечась от нехорошей болезни, закатывала скандалы и била окна у соседки.

В последнее время Милка приутихла. Сказывался возраст и то, что три года назад она родила девочку Женьку. Ходили слухи, что Женька от Алексея, которого на себе женила богачка Ольга, и сильно на него похожа.

При расспросах Милка нагло отшучивалась: «Вот накоплю денег на генетическую экспертизу и подам на алименты. Представляю, как бригада медиков ходит по домам и у всех ваших мужиков берет кровь. Вот смеху-то будет!» Женщины не смеялись.

Только фермерша Ольга точно знала, с кем была Милка в загульную ночь, и на целую неделю выгнала мужа Алексея из дома. Сначала шальная Милка была довольна и ждала Алексея у себя, но она зря надеялась, он ушел жить в дом матери с намерением через недельку вернуться к жене, всегда его прощавшей.

С утра к Нине сначала домой, а затем в медпункт стали забредать за таблетками страждущие исцеления поселяне и поселанки. Нина продавала анальгин и алка-зельтцер. Через дорогу в сельмаге Оксана продавала не менее полезное лекарство – пиво.

Днем по жаркой пыльной дороге ходили суетливые куры, торопящиеся женщины и ослабленные мужички.

К обеду гости опять потянулись в три дома, прихватив закусь.

Нина сидела с ребенком. Она вчера зашла часика на три к Оксане, у которой всегда было весело, но не пьяным угаром, а юморной компанией. На двадцать минут заскочила к Николаю Тимофеевичу и буквально на десять минут заглянула к Геннадию Семеновичу, он приходился ее покойному отцу троюродным братом.

Геннадия Семеновича она поздравила особенно быстро, подарила книжку о целебных травах, постояла с одной стопкой и ушла. Это не потому, что она такая трезвенница, а потому, что пожилой фермер основательно положил на нее глаз. Грузный, краснорожий, он начал зарабатывать большие деньги, продавая сыр в областной город. Постепенно охамел и грубо шупал всех баб подряд. Нину пощупать пока не удавалось и поэтому особенно хотелось.

Сегодня вечером Нина, всучив подгулявшей матери Сашку, забежала к Оксане и запросто выпила с соседками две рюмашки. От спиртного у нее чрезвычайно закружилась голова, стало весело и захотелось любви. Рядом из свободных мужчин никого не наблюдалось. Пришлось просто посидеть часа два, слушать сплетни.

Бывшая подружка Валентина громко говорила о замечательной семейной жизни с Пашей, о его выдающихся деловых и сексуальных качествах, но ее не слушали. Хорошо тебе с мужем – сиди молчи, не трепись, а то уведут. Зато обсудили Милку с ее «выдающимся на передок» поведением и алкоголизмом, Ольгу с ее сумасшедшей любовью к молодому мужу, который вполне мог сегодня ночью заскочить к любой девке или бабе и мало кто ему бы отказал. А еще сетовали на подорожание продуктов, электричества и кабельного телевидения.

Вечером, когда стало возможно спокойно дышать, по пыльной, непривычно многолюдной улице Нина отправилась домой.

Проходя мимо пруда, она, вспотевшая в душной избе, увидела купающихся соседок, тут же скинула юбку с блузкой, бюстгальтер с трусиками и нагишом плюхнулась в прохладную воду, пахнущую рыской и летом.

Темнело. Геннадий Семенович вышел из своего прокуренного дома с ошалевшими от пьянки шумными гостями к большому пруду. Там, разогнав детей по домам, плескались хохочущие раздетые женщины.

У Геннадия уже год под нужным углом не вставал любимый орган. Сейчас от одного взгляда на смеющуюся в пруду Нину, высокую, гладкую, с большой грудью, с выразительной талией и крутыми бедрами, с каплями воды, стекающими по телу, у него встало просто на без пяти двенадцать.

Геннадий Семенович прислонился к ближайшему дереву, радуясь своему состоянию. Упускать счастливый случай он не собирался.

А что какая-то девка может быть против его домогательств, ему и в голову не приходило.

Нина вышла из пруда, отряхнулась, надела на голое тело юбку и ставшую прозрачной от воды блузку, прихватила босоножки, нижнее белье и пошла к дому босиком, на ходу застегивая блузку. Шла не по дороге, а огородами, сокращая путь.

Дышалось поздним вечером легко, травы пахли дурманяще...

Из-за пустой бочки для воды, стоявшей неподалеку, вдруг вышел мужчина. Нина сначала не поняла, кто это, а пока соображала, Геннадий Семенович зажал ей рот и бросил на траву. Нина сильно ударилась головой о землю и разозлилась. Лицо Геннадия Семеновича было безумным, изо рта воняло перегаром, луком и старым сыром.

Широкая, распластанная тяжелой многолетней работой кисть мужской руки, задрав подол, раздвигала ее ноги и пыталась влезть внутрь. Было больно и унижительно.

А Геннадий удобнее устраивался между ног Нины. Сопротивляться полутора центнерам даже ей, девушке очень не слабой, не было возможности. От бессилия Нина на мгновение расслабилась... и тут же вместо руки между ее бедер оказался совсем другой предмет. Твердый и здоровенный.

Будучи девушкой деревенской, знавшей и откуда дети берутся, и как ливерная колбаса делается, Нина правой рукой схватила горячий член в кулак, подбирая цепкими пальцами левой руки все «мужское хозяйство».

Три секунды Геннадий Семенович прислушивался к своим ощущениям. Затем завыл так, что все окрестные собаки подняли лай, ожидая нападения не только волков, но еще медведей и вурдалаков.

Геннадий попытался вырваться или хотя бы дать в глаз заартачившейся молодой медсестричке, но Нина беспощадно тянула и корябала ногтями противный предмет, не давая насильнику очухаться.

Резко освободив «хозяйство» Геннадия, Нина отпрыгнула от него и побежала, но Геннадий Семенович продолжал кричать. Нина остановилась, обернулась. Владелец сыродельного цеха сидел на земле, держась за причинное место, раскачивался и продолжал выть.

Нина постояла и подошла к мужчине.

– Что там у вас, Геннадий Семенович?

– Не зна-а-а-ю! – скулил Геннадий Семенович тише и жалостливее. – Гори-ит! Ты меня обожгла-а! Бо-о-ольно!

– А меня заваливать – не больно? – нежно спросила Нина. Ей мужчину, которого за глаза в деревнях звали Генка-самец, было не жалко.

– Ку-урва! Убью!

– Тоже мне убийца. Сначала на ноги встань. – Нина наклонилась ниже. – Еще раз полезь – навсегда искалечу.

От дома Геннадия, распаренная и злая, бежала его жена Люська.

Подскочив с криком: «Ах вы сволочи, обнаглели совсем!», она перестала ругаться, разглядев в темноте, что с мужем неладно.

– Генка, ты чего?

– Упал, блин, Люся, прямо на камень... – Геннадий шипел от боли. – Встать помоги. Водки надо выпить.

– Ты что же, – Люся обежала Нину и мужа с видом кошки, рыскающей за мышью в темноте, – голым хером на камень угодил? Это как же ты? Специально? Всех баб в округе отымел, теперь корнем в землю полез?

Люська зыркнула на Нину, но та подняла ладони. Одежда на Нине была в норме, Генка-самец не успел ее измазать или порвать. Поэтому Нина совершенно спокойно соврала:

– Я здесь ни при чем. Вижу, человек упал и ругается, я подошла ближе, медицинскую помощь оказать, а тут как раз и ты прибежала.

Врать Нинка не умела совершенно, но при степени опьянения Люськи, да еще в кромешной темноте, не было видно ни блестящих глаз медсестрички, ни того, что трусы, бюстгальтер и босоножки, отброшенные во время драки, валялись в метре от Геннадия.

Мало что соображающая от второго дня празднования Людмила увела мужа домой.

На следующее утро в магазине все бабки и женщины смотрели на Нину волком. Зато мужчины – с интересом.

Только Оксана, у которой после собственного дня рождения разламывалась голова, выдавая хлеб и взвешивая карамельки, поглядывала на молодую подружку с понимающей кислой улыбкой.

Купив хлеб, Нина оглядела замолчавших женщин. Тетка Роза, державшая под локоть мало что соображающего муженька, со смешком подытожила:

– Значит, новая ведьмачка у нас объявилась? Та хоть последние десять лет особенно не ходила, а эта вишь какая шустрая, уже мужиков чужих портит, сестра милосердия хренова.

Теща Геннадия Семеновича, бабка тихая и маленькая, побледнела и заверещала:

– Зятя маво покалечила вчерась! Сваво мужика заведи, неча на других смотреть!

Нина отошла от прилавка и спокойно ей сказала:

– Сдался он мне сто лет.

– А чего тогда приставала? Охальница, ведьмачка, б...!

Бабка плюнула на пол перед Ниной. Остальные старухи тоже что-то зашелестели, но Нина взглянула на них так, что сама почувствовала – взгляд стал другим.

Женщины замолчали и отошли ближе к витринам.

– Всю жизнь к моей бабушке за помощью и травмами бегали, заговоры от болезней списывали, а теперь ругаетесь? – возмущенно заговорила Нина. – Да твой зять, Екатерина Ильинична, только что коров не дерет, а так по всем бабам прошелся. Так ему и надо, хряку вонючему.

Хотелось Нине выйти из магазина красиво, громко треснув дверью, но тяжелая магазинная дверь по случаю жары была нараспашку открыта. Пришлось просто гордо сбежать по трем ступенькам вниз.

– А и действительно... – Соседка Ильинична повернулась к старушке. – Ты чего темнишь-то? Чего она у него покалечила?

– Общее здоровье, – решительно заявила Ильинична, пожалев, что, как всегда, вылезла со своим длинным языком, а ведь дочь просила не трепаться. – Иммунитет.

Бабки, что-то такое слышавшие по телевизору, испуганно замолчали.

– Типун тебе на язык, Ильинична, – лениво перебила старушку Оксана. Взяв за хвост толстую селедку, она вложила ее в пакет и взвесила на старых весах, оставшихся с прошлого века. – Хер она ему, девушки, испортила. Сидит теперь, лед прикладывает. Он раздулся... – Оксана оторвалась от взвешивания и показала размер полулитровой банки. – Вот такой стал. Мне Люська рассказала. А не фиг его пристраивать туда, куда не просят!

И бабки, и две вновь вошедшие женщины прыснули от смеха, глядя на покрасневшую от злости Ильиничну.

– Да уж, зять у тебя ходок. Молоко в его цех сдаешь, а он за сиськи лапает, – возмутилась женщина помоложе. – Стоишь, как корова дойная, и терпишь. А то молоко не купит! Куда его тогда девать? Сволочь он, зятек твой.

– Кстати, насчет молока, – негромко, но как-то недобро сказала Валентина, и все замолчали. Валентина достала из пакета и чуть выше подняла полуторалитровую бутылку из-под

минералки. – У меня корова стельная, не доится, я сейчас к Шебылиной зашла, займы молока взять. Она при мне доила. Так вот...

Все посмотрели на бутылку. В ней, разделившись на простоквашу и сыворотку, виднелось свернувшееся молоко.

– Точно, – перекрестилась тетка Рая. – И бабка Поля, бывалочи, как пройдет мимо двора, так у меня все молоко сворачивалось.

– Я ж говорю, ведьмачка, – уже не так громко, без визга, повторила Ильинична.

– А бутылка у тебя, Валька, грязная, и на дворе плюс тридцать, и Нинку ты не особо любишь с самой школы. Так что здесь, бабоньки, думать надо, – сама себе, но для всех дополнила Оксана.

– Это ты ее защищаешь потому, что она медик и на тебя санэпидемстанцию не насылает, – зашипела Валька.

– Или потому, что здесь, может, другие горе-ведьмачки есть! – не осталась в долгу Оксана.

Поднялся гвалт. Ильинична быстро вышла из магазина.

Замолчали, когда вошла Ольга. В магазин она заходила редко, отоваривалась на много. Оксана заорала:

– Ша, бабоньки! Мне работать надо. Здравствуй, Олечка. Слыхала, че вчерась случилось? И все бабы стали рассказывать Ольге о Нинкином поступке.

Выслушав, Ольга лениво оглядела шесть человек женщин, пастуха Стаса и вечно пьяного мужа тетки Раи.

– Между прочим, Нинка мне племянница.

И все замолчали.

Нина пришла домой, выложила хлеб на стол веранды и стояла, стараясь отдышаться от быстрой ходьбы. Мама кормила Сашку, впихивая кашу в розовый рот капризного божества.

– Ты чего такая смурная? Обидевши тебя кто?

Сев на соседний стул, Нина прихватила тряпку, стала вытирать стол от разбрызгавшейся каши.

– Все, мама, не дадут мне теперь жить спокойно.

Анна отложила ложку, вытерла слюнявчиком измазанную физиономию Сашки.

– А че, Геннадий Семенович проговорившись? – она сняла слюнявчик и спустила внука на чистый пол.

– Да... Так он еще сказал, что это я к нему приставала.

– Вот сволочь! – возмутилась мать. – Вот он с детства сволочь! Я же с ним в одном классе училась, знаю...

– Сволочь не сволочь, а мне тут больше делать нечего, – Нина убрала хлеб в дырявую кастрюлю, служившую хлебницей. – Ты, мам, не беспокойся. Давно надо было в город ехать, счастья пытать. Не уехала я бы тогда, сейчас уже и комната в Боровичах от больницы была бы.

– Какая такая комната, если у нас хозяйство? – мать махнула в сторону окон, выходящих на огород.

С веранды были видны ряды кустов цветущей картошки, грядки овощей и полукруглая застекленная теплица, похожая на павильон ботанического сада, – живи и радуйся.

– Мама, меня с детства бабушка учила, что таких, как мы с нею, бояться. За травку, за заговор тебе спасибо скажут, глаза от умиления вытрут, а как спиной повернешься, так пошлют к черту и одновременно перекрестятся. Мракобесие какое-то. – Нина взяла на руки сына, поцеловала в теплую макушку. – Ты же знаешь, если что случится, наш дом пожгут. Мне рассказывали, как в пятидесятых годах бабушкин дом подожгли...

– Так ее не за это! – мать заискивающе улыбнулась. – Мне тоже рассказывали. Ее за то, что она спирт не списывала да с начальством не делилась. Да, пожечь хотели, так ведь обошлось.

Нина вошла в дом, оглянулась в проеме двери. Мать поразилась, до чего дочь похожа на молодую Полину, что на желтых старых фотокарточках. Высокая, сильная, стройная.

– Нет, мама, я как сегодня этих бабок увидела, так сразу поняла – все. Только Сашку жалко оставлять.

– Ой, а то полдеревни с внуками не сидит, бабки не воспитывают. В этом ты не волнуйся – справлюсь. Езжай, Нинка, в дому ой как копейка нужна.

К вечеру Нина собрала вещи, а утром села на первый автобус. Оделась по-городскому, в джинсы, обтягивающие ее полноватые ноги и весьма аппетитную попу.

В полупустом автобусе женщины поздоровались с Ниной сквозь зубы. Она устроилась на пыльном заднем сиденье и видела, как входившие в автобус пассажиры из соседних деревень сначала радушно со всеми здоровались, а потом, наклонив ухо к соседке, услышав что-то, с неприязненным интересом косились на нее.

В Боровичах Нина пересела в другой автобус. Через три с половиной часа должен быть Великий Новгород.

Она и не надеялась заснуть, хотя всю прошлую ночь от переживаний вязала крючком салфетки у телевизора, но неожиданно ее сморило.

В сонном состоянии ее высадили на какой-то остановке – оказалось, сломался автобус. Минут через двадцать подогнали другой, и она влезла в него, доплатив деньги. Сил возмущаться не было, и она заснула, как только села на свое место.

Разбудили ее на конечной остановке. Нина, сонно слыша: «Москва, прибыли, освобождайте салон автобуса», еще не очень соображала, что произошло. Выйдя на площади перед Ленинградским вокзалом, поняла, что проехала дальше, чем рассчитывала.

Площадь гудела от множества машин, спешащие к поездам и автобусам пассажиры сносили чемоданами и сумками мешающих им прохожих.

«Ну, значит, это судьба», – решила Нина, подняла чемодан и двинулась к зданию вокзала.

Нина Москва

В большом гулком здании Нина сразу подошла к молодому милиционеру и поставила около него чемодан.

– Я извиняюсь. Вот приехала, а меня не встретили. Вы не подскажете, где тут в «Скорую помощь» устраиваются?

Милиционер обошел девушку, рация у него в руке ругалась матом, давая кому-то указания.

– А чего у тебя болит-то? – Деваха милиционеру понравилась. Особенно фигура – настоящая, женская, как у его мамки и теток. Рост хороший, плечи, большая грудь и крупная, возбуждающая попа.

– Ничего не болит. – Нина шмыгнула курносым носиком. – Я медсестра, мне на работу устроиться надо.

– А-а, понял. Тебе, наверное, в институт Склифосовского, здесь недалеко, пешком дойдешь, а то ехать дорого. Пойдем, направление покажу.

Милиционер скоренько пошел к выходу. Нина, скособочившись от тяжелого чемодана, большую часть которого занимали десять килограммов домашних продуктов, загруженных мамой «на первое время», засеменила за парнем.

– А ты не знаешь, там жилье дают?

– Дают, – оглянувшись, милиционер остановился. – Передохни.

Они оказались одинакового роста и одного возраста. Парень чуть постарше. И девушка была, что называется, своя, деревенская. Крепкая, русоволосая, улыбчивая. Только вот лицо подкачало, уж очень простецкое, как у его родной сестры. А так бы он в эту случайную знакомую моментально влюбился.

– Ты, слышь, не обижайся, я тебя проводить не могу. Тебе вон туда, – милиционер сделал отмашку рукой. – Нам постоянно приходится общаться с «ноль три», так я точно знаю – дают им общежитие, дают. Не очень хорошее, зато почти даром.

– Спасибо тебе, – Нина от души пожала милиционеру руку. – Вот мне свезло тебя встретить.

Подняв чемодан, девушка спустилась в переход.

Молоденький милиционер тоскливо смотрел ей вслед.

Начало лета, июнь. В деревне пахнет травой, по утрам будят птицы и петух. Мать посылает на скотный двор двух младших сестер – кормить животных и доить корову. А он спит на чистом крахмальном белье на кровати под окошком, веселое солнце бьет в глаза. Пахнет свежесорванными укропом и луком, которые добавили в окрошку с шипящим квасом...

...А тут – круглосуточная гарь, вой автомобильных сирен по ночам, постоянный гул машин, зассанные бомжи и затюканные до агрессивности нелегалы-гастарбайтеры. Но в городе есть то, без чего и красоты деревни не в радость, – деньги.

Юля Москва

В кошельке одиноко и сиротливо лежала сторублевая купюра. Вздохнув, Юля закрыла кошелек, стащила с себя домашнюю юбку и натянула джинсы. Одернув мятую футболку, она задержалась на ней взглядом и решила, что даже в темноте футболочка больше подходит для дворников-узбеков в конце рабочего дня, чем для творческой девушки под тридцать лет, желающей зайти в магазин для приобретения скромного количества сорокаградусного напитка.

В зеркало Юля не смотрела, не хотела портить себе настроение. Половина ее лица была обезображена большим бордово-синеватым родимым пятном. К тому же она, как и подавляющее большинство девушек на грани тридцати, набрала лишние пятнадцать килограммов, отрастила второй подбородок и постоянно забывала подремонтировать два зуба, благо они никому, кроме нее, не были видны.

Томясь из-за каждой минуты задержки, Юля быстро кинула снятую футболку в корзину с грязным бельем, надела глаженую блузку и, прихватив из-за кухонной двери пакет, склад которых находился именно там, в корзине, забрала с обувной тумбочки ключи от квартиры.

Проскрипев подошвами кроссовок по линолеуму в коридоре, она ткнула кнопку вызова, встала перед дверями лифта и, переминаясь с ноги на ногу, стала ждать его приезда.

Еле выдержав путь в сорок пять метров, с пятнадцатого по первый этаж, в кабине, насквозь провонявшей собачьей мочой, прикрывая нос ладонью, Юля выбежала из лифта. Свободно выдохнула, только выйдя из подъезда.

Не замечая теплоты июньского вечера, видя только желанную цель – вывеску магазина «Нельсон», Юля рванула вперед.

За четвертинку водки, за банку крепкого пивасика «Охота» и пачку «Муратти уан» с нее взяли в аккурат девяносто девять рублей.

Выйдя из магазинчика, Юля хрустнула защелкой пивной банки и с наслаждением сделала несколько глотков дешевого пива с сивушным привкусом. Ощущение получилось... то, что надо, ощущение. И, разумеется, именно в мгновения кайфа, когда невозможно оторваться от банки, раздался звонок мобильного.

– Юляшка-промокашка, толстопопая кругляшка! Я придумал тебе работу! – заурчал голос Ильи Розенблюма, одnogруппника по художественному училищу. – И планирую сегодня вечером к тебе завалиться. Ты одна?

– Не одна, Илья, – сделала суровый голос Юля. – Как раз сегодня приехали с дачи мама с папой. Я сейчас бегала за сахаром, и мы собираемся варить клубничное варенье.

– Какое совпадение, – тускло заговорил Илья. – Я в Интернете для тебя надыбал охрнительную работу – сбор клубники на полях совхоза имени Ленина. И витамины, и похудание. С завтрашнего дня набор сборщиков, и так на полтора месяца.

Стоя с двумя поднятыми руками, одна из которых держала пакет и банку с пивом, а вторая – телефон, Юля замерла. Вот именно сейчас, когда она наврала надоедливому Илье о варенье, ей невероятно захотелось свежей клубники.

– Диктуй маршрут. Клубника сейчас дорогая, и ее мало.

Пока Илья нудно объяснял схему проезда, Юля успела дойти до своего подъезда. Путь к двери перегородил разворачивающийся для парковки черный «Опель-Астра». Юля рассчитывала быстренько проскочить мимо него, но водитель, занимая свое автомобильное место, пропустить девушку не мог, и ей пришлось ждать, когда можно будет войти в подъезд.

При виде вышедшего из машины соседа – вечно сосредоточенного и слишком правильного Ивана – ей захотелось с разлета запустить в стекло автомобиля пивной банкой, добавить

четвертинку водки и усилить результат пачкой сигарет... но в ответ можно было схлопотать по лицу за разбойные действия, да и купленных «продуктов» было жалко.

В лифте пришлось ехать вместе. В него набились соседи, притиснув Юлю и Ивана к задней стенке. Юля старалась дышать через раз, отставляя руку с банкой пива в сторону соседа Евгения Анатольевича, который тоскливо косился на банку соскучившимся взглядом и жадно вдыхал сивушный запах.

Иван вождения соседа Анатольевича не разделял, ему запах дешевого пива не нравился.

К пятнадцатому этажу Юля и Иван остались в лифте одни. Неприязненно оглядев Юлю, Иван демонстративно отвернулся, стараясь не портить себе настроение лицезрением соседки. Мало того, что не красавица, так еще и вечно пьяная.

Из лифта Юля выпрыгнула первой, стараясь как можно быстрее оказаться в своей квартире, запереть за собой дверь, отдышаться от неприязненного взгляда Ивана и немедленно выпить первые пятьдесят граммов водки.

На кухне Юля допила водку, и настроение чуть поднялось. Поработать, что ли? Она могла позволить себе устроить мастерскую батика в одной из комнат своей квартиры. Родители разрешали дочери делать все, виня себя в родимом пятне на ее лице.

Подойдя к двойным дверям маленькой комнаты, Юля решила ее не открывать. И рука после водочки нетвердая, да и пиво необходимо допить. И если совсем честно, то работать совершенно не хотелось. Больше, на что она была сейчас способна, – заняться своим лицом.

Зайдя в ванную, она взяла со стеклянной полки флакон. За него в прошлом месяце она отдала полторы тысячи. Мутную жидкость, в которой плавали тридохлых южноамериканских таракана, ей продали как верное средство от родимого пятна. Она использовала уже половину, но пятно не сходило, не бледнело и даже, кажется, начало покрываться короткой шерсткой.

Проведя несколько раз ватным тампоном по ненавистному пятну, Юля бросила ватку в раковину, потрогала мешки под глазами.

– Какая на фиг работа? Какая, к едреням собачьим, клубника? Жить не хочется.

Иван Москва

Запирая дверь на этаже, Иван посмотрел на дверь своей квартиры. Бабушка ждала его на пороге, закрывая внушительным телом почти весь дверной проем. Как всегда, ее крашенные в розовый цвет волосы были прекрасно уложены, длинный халат выглядел новым, на ногах – не тапки, а мягкие домашние туфли, на пальцах – безупречный маникюр бежевого оттенка.

Не нарушая тишины лестничной клетки, Татьяна Ивановна сделала приглашающий жест внутрь квартиры.

Приветственно поцеловав бабушку, Иван в один шаг встал на чистейший коврик, переобулся в тапки и пошел к себе в комнату. Там он сменил легкий офисный костюм на домашний спортивный и отправился в ванную. Сбросив нижнее белье в корзину, он постоял под душем ровно десять минут и, снова надев спортивный костюм, вышел на кухню свежим и готовым для принятия ужина.

Фотографию кухни можно было публиковать в мебельном каталоге под названием «Кухня стандартная, среднестатистическая, без излишеств, стерильная. Начало двадцать первого века».

Сев за сервированный по всем правилам стол, Иван с сомнением посмотрел на бабушку.

– Мама будет ужинать?

– Ей не до еды. – Татьяна Ивановна выставила из холодильника салат из овощей и пакет малокалорийного майонеза. – У нее творческий взлет – чувствуешь, как тянет табаком?

Иван замер с майонезом в руках, а бабушка с тарелкой, на которой лежали кусок нежной телятины и овощи, приготовленные на пару. Оба глубоко вздохнули и тяжело выдохнули. Они ненавидели табачный дым и любые другие излишества, бесполезные для человеческого организма.

Бесполезным тянуло из маминей комнаты, но ни бабушка, ни сам Иван ничего с этим поделать не могли. Во время редких лекций о правильном и здоровом образе жизни мама смотрела сквозь своих близких, показывая всем видом, что полностью с ними согласна. А после шла к себе в комнату и закуривала очередную сигарету, запивая ее вином, трехлитровые упаковки которого были расставлены по всей квартире и концентрировались в ее комнате.

Род занятий Екатерины Юльевны был необычен: она писала музыку к рекламным роликам. Специализировалась на йогуртах, кондитерских изделиях и детских товарах. Работу свою халтурой не считала, относилась к ней со всей серьезностью и даже гордилась ею. Еще Екатерина Юльевна написала музыку к детскому фильму и не сомневалась, что несколько созданных ею произведений, которые она постоянно совершенствовала, принесут ей мировую славу.

Мечталось именно о славе, поскольку денег за «рекламную» музыку хватало на безбедную жизнь.

Сама Катерина свои заработанные деньги не тратила – за нее это делала мама. Привыкнув к царствованию Татьяны Ивановны, Екатерина Юльевна особо этим не возмущалась. Ей, конечно же, иногда хотелось прошвырнуться по магазинам. Но из продуктов она покупала совсем не то, что было нужно для дома – например, трехлитровую банку мандаринового варенья, на которое у всех, в том числе и у нее, была аллергия, или торт размером с небольшую башенку.

Хуже было, когда Катерина рвалась улучшить домашнее хозяйство. Случайно зайдя в универсам «Фамилия», она однажды купила шесть килограммов стирального порошка, десять

пар резиновых перчаток, три упаковки мыла по шесть штук в каждой, по пути прихватила напольную керамическую вазу и пальто для любимой мамы.

Для перевозки купленного товара Катерина наняла машину и уговорила мужика помочь ей донести покупки до квартиры. Автолюбитель средних лет сначала без особого энтузиазма дотасил пакеты до лифта, но в самой квартире ему понравилось. Особенно когда Катерина предложила ему выпить белого сухого вина.

Устроившись на кухне, мужчина неправильно оценил рассеянный взгляд интересной женщины, приняв его за заигрывание, и решил остаться здесь денёк на два.

Пришедшая из Сбербанка, где она три часа ждала очереди для оплаты коммунальных услуг, Татьяна Ивановна простыми русскими словами объяснила молодому человеку, что за помощь ему большое спасибо, а ловить здесь нечего. Катерина девушка дружелюбная, но не настолько, чтобы ее благодарность распространялась на постельные варианты. Просто ей неудобно указать мужчине на дверь, а вот Татьяне Ивановне очень даже удобно.

После десяти минут раскланиваний и извинений мужчина исчез из квартиры. Катерина претензий мамы не поняла и через сутки вообще забыла и о своем шопинге, и о мужичке, решившем у нее пожить.

Мыло и стиральный порошок пристроили в ванной. С пальто тоже все образовалось – маме понравился молодежный покрой. Но вот куда девать полутораметровую «вазочку», сразу выкинуть или поставить в самый темный угол, Татьяна Ивановна решала три дня.

На счастье подоспел день рождения ее сестры, и Татьяна Ивановна благополучно спланировала ей сувенир. Сестра была в восторге. Она до сих пор любила туристические походы, песни у костра и камыши-сухоцветы. Ставила она их в трехлитровые банки, а тут ей подарили сосуд, в котором смело мог поместиться не только любопытный Буратино, но и пара небольших охапок сена.

Иван маму любил, но не всегда понимал. Вот бабушку, бывшую преподавательницу математики, он и любил, и понимал, но побаивался.

Услышав, что мама к ужину не выйдет, Иван сделал расстроенное лицо, хотя перед бабушкой играть не стоило, но привычка...

– Жаль. – Он отложил на минуту вилку с ножом. – Бабуль, а как можно выселить человека, если он не соблюдает правил совместного общежития?

– Ты про кого? – прищурившись, бабушка уверенно кивнула подбородком в сторону соседей. – Юлька тебе покоя не дает?

– Но она пьет! И вид у нее... непрезентабельный, снижает высокий рейтинг нашего кооперативного дома.

– Иван, – встав у плиты привычным постаментом, как перед школьной доской, бабушка, держа ложку в руках, начала объяснять прописные истины. – Во-первых, это мы сюда переехали два года назад, а они эту кооперативную квартиру купили с первого года постройки, то есть они старожилы. Во-вторых, Юля девушка странная, но хорошая...

– Какая она девушка, ей уже тридцатник, пора за ум браться...

– Не твое, Ваня, дело, как она живет, – начала сердиться бабушка. – Чего ты к ней привязался? Да у нас полподъезда выпивает, Юля по сравнению с ними ангел. Хотя с такой отметиной на лице поневоле сопьешься.

– Дело не в лице, – отмахнулся вилкой Иван. – И вообще, она же не одна, у них семейный подряд. Муж ее так вообще на бровях приползает.

Татьяна Ивановна взяла со стола майонез и убрала в холодильник.

– Невнимательный ты к другим людям, Ваня. Юля два месяца как развелась. Ты мясо будешь доедать?

Иван посмотрел на свою тарелку.

– Нет, наелся. Как подумаю, что эта... животная живет на одном этаже со мной, так пропадает весь аппетит. И еще в квартире накурено! – откинув салфетку, Иван встал. – Спасибо, бабушка, я к себе. Попробую поработать над диссертацией.

– Иди, Ваня, работай.

Накрыв тарелку с недоеденным мясом пищевой пленкой, Татьяна Ивановна убрала еду в холодильник. Часа через два, когда у дочери иссякнет творческий запал, она возникнет на кухне и будет есть все, что найдет.

Был случай, когда Катерина съела сырой фарш, полив его соевым соусом. Однажды смолила подряд семь пирожных эклер и утром жаловалась на легкую тошноту. Она запросто могла смазать соленый огурец малиновым вареньем и уложить все на черный хлеб с горчицей.

И при всех кулинарных излишествах Катерина оставалась стройной интересной женщиной с прекрасной кожей и отменным здоровьем. А вот Татьяна Ивановна жестко боролась с каждой калорией, но они все равно побеждали, и постепенно тело женщины разросло до ста двадцати килограммов.

Открыв свою почту, Иван скопировал на жесткий диск рентгеновские снимки зубов, сделанные сегодня на работе, и свои замечания и отправил на распечатку.

Пока принтер выдавал фотографии, Иван переложил бумаги в одну стопку, выровняв их до миллиметра.

По собственному расписанию он сегодня должен был просидеть за компьютером до одиннадцати.

Нина Москва

В больнице, которую в народе звали просто «Склиф», Нину попросили сдать чемодан.

Оглядев строгим взглядом охранников, Нина все-таки отнесла чудо советского галантерейного производства – тряпичный чемодан в клеточку – в камеру хранения. Там ничему не удивлялись: в эту больницу круглосуточно приезжали со всей России и из окрестных стран.

Поплутав налегке по длинным коридорам больницы, Нина нашла отдел кадров и, постучавшись в кабинет, тут же вошла с протянутым паспортом и дипломом медсестры.

– Мне бы на работу.

Три занятые женщины смотрели на нее без всякого интереса.

– Медсестра широкого профиля? – неспешно спросила женщина средних лет. – Гражданство, как я понимаю, российское.

– Я из Новгородской области, из деревни Кашниково, – заторопилась объяснить Нина, оставаясь стоять в дверях.

– По тебе сразу видно, что Кашниково, – прокомментировала та же инспекторша. – Проходи ко мне, садись.

Нина какими-то непривычными для нее мелкими шажками прошла к столу инспекторши и села на хлипкий офисный стул. Документы положила на край стола.

Вблизи инспекторша выглядела старше, чем казалось издали. Эффект свежести достигался макияжем и белым цветом крахмального халата, который, как известно, молодит.

На столе появились бланки.

– Только есть маленькое «но». Медсестер в нашей больнице хватает своих, у нас ведь кафедра, и они проходят практику от мединститута, а вот с нянечками – беда. Если две недели нянечкой отработаешь, то переведем в медсестры. Согласна?

– А сколько платят? – несмело спросила Нина. Услышав сумму, в три раза превышающую ее зарплату в Кашниково, тут же кивнула головой. – Согласна.

– Вот, заполняй, – преувеличенно душевно инспекторша глянула Нине в глаза и спросила тоном давней подруги: – Пьешь, много куришь?

– Не-ет, – убежденно ответила Нина. – У нас даже когда вся деревня запивает, так я держусь и спирт из аптеки не продаю и не обмениваю. Не положено. И не курю совсем, не люблю.

В тот же день Нину устроили в общежитие, и она поселилась в комнате с тремя соседками-туркменками. Женщины тоже работали нянечками и по-русски говорили плохо. На Нину они смотрели с неприязнью. Девушка была слишком крупной, белокожей, и на ее лице не было вечного беспокойства о прописке.

Туркменки безостановочно щебетали на своем языке, по общежитию ходили гуртом, в длинных платьях, в расшитых теплых тапках и шароварах. От них пахло пловом и нестираным бельем.

Нина сразу поняла, что общих интересов у нее с этими женщинами не возникнет. Но выхода не было, снять даже комнату деревенскому жителю, недавно появившемуся в столице, было под силу только в компании из трех-пяти человек, отдающих за скромный угол половину своей зарплаты.

Нину определили в хирургию. Работы в отделении оказалось много, и была она самой грязной, какую только можно придумать, – выносить из операционной перевязочные матери-

алы и «биологические отходы», состоящие из отрезанных поврежденных тканей, а иногда и из органов, еще три раза в день убирать за больными судна.

Входило в ее обязанности мыть туалеты и унитазы, в которых и воду-то, по слабости или из-за вредности, не всегда спускали. На мытье полов в палатах и в коридоре Нина отдыхала. Мыть приходилось тщательно – больница сверкала чистотой после серьезного ремонта.

В первую ночь в общежитии, перед выходом на работу, Нина заснуть не могла. Лежала, смотрела в потолок, прислушивалась к дыханию туркменок. Одна из них храпела, другая сопела, третья часто пукала. «Не уживусь», – подумала тогда она.

После первого же дня работы проблем со сном у нее больше не возникало.

Появление Нины, на полголовы выше большинства медсестер, произвело сильное впечатление на мужскую часть медперсонала.

Заслуженный хирург Степан Васильевич и его ассистент Армен проводили взглядом новенькую, переглянулись. Степан Васильевич высказался первым:

– Ты глянь, какая аппетитная, свеженькая.

– И обратите внимание, абсолютно здоровая. Сразу хочется... поставить диагноз. Но боязно.

– Да уж, если такая вломит, то мало не покажется.

И все-таки в очередное ночное дежурство Армен Вазгенович, тридцати лет от роду, избалованный женщинами с четырнадцати лет, пробрался из ординаторской в комнату сестры-хозяйки, где спала Нина. Предложил попить чайку. Нина, имея печальный опыт общения в комнате сестры-хозяйки, взяла врача за руку, вывела в коридор и спокойно пообещала:

– Полезешь – огрею судном по голове, а что будет в судне, так это дело случая. Мало ли, может, у больного понос окажется.

Армен предупреждению поверил.

Глафира Ивановна, старшая медсестра отделения, день и ночь пропадаящая на работе, заметила аккуратность и работоспособность Нины и поощрила ее оригинальным способом. Она разрешила Нине задерживаться после смены на два часа и помогать медсестрам.

Глафиру Ивановну можно было понять. Врачи и медсестры в больнице работали на совесть. Конечно, никто не отказывался от подношений, но по сравнению с тем, что делали врачи и весь медперсонал для пациентов, часто вытаскивая их с того света, любая плата не окупала и третьей части их трудозатрат.

Своих, то есть штатный медперсонал, Глафира Ивановна жалела. А тут пришла деревенская девка. Здоровая, во всех смыслах слова, безотказная да к тому же зависимая от нее полностью. Как не воспользоваться лишней рабсильой?

Через три дня Нине, помимо помывочных работ, поручили делать сложные перевязки после автомобильных или производственных травм.

Первыми почувствовали особые способности Нины женщины. И уколы она делала безболезненно, и раны под ее перевязками заживали быстрее.

Новость тут же стала легендой отделения. Люди, следящие за своим здоровьем, просили лечащих врачей, чтобы за ними посмотрела Нина. Старшая сестра брала деньги и подношения. Нине доставались крохи, и не деньги, а мелкие подарки.

В общежитии, в комнату, где с недовольным видом сидели замолкавшие при ее появлении туркменки, Нина возвращалась донельзя усталая и, сходя в общий душ, бессильно падала на кровать. Засыпала она, пока снимала халат.

Из-за бытовой неустроенности почти не отдыхала. Нагрузки не снижалась, а только увеличивались, и Нина оформилась на полторы ставки.

Врачи-женщины мало замечали нянечку, хватало возни с больными и постоянно сменяющимся сестринским персоналом, приходящим на практику. Армен быстро утешился с очередной медсестричкой, а Степан Васильевич, услышав от Армена обещание Нины защищаться, решил не рисковать. Хотя откровенно облизывался, когда Нина оказывалась рядом.

Глафире Ивановне иногда было жаль Нину, но при отчаянной текучести кадров невозможно было привыкнуть к новым лицам. Больные, занятые собственными болячками, тоже особой гуманности к нянечке-медсестре из провинции не проявляли.

Вот кто не доставал Нину и остальных нянечек, так это люди, любящие выпить. Особую касту составляли мужики, получившие травмы по пьяни. День у них начинался с обзвона знакомых, которые могли бы принести в больницу не баловство, типа соков и апельсинов, а «конкретную» водку. Вечером они кучковались в туалете или под лестницей, рассказывая друг другу, у кого что болит и сколько, чего и когда было выпито в их жизни. Зато когда Нина шикала на них: «И так с ног валюсь, а вы тут еще бычки роняете», они по собственному графику подметали за собой и даже иногда протирали лестницу.

Через неделю работы по двенадцать часов в сутки Нина почувствовала изнеможение всех своих сил – и физических, и моральных. Она решила бросить «Склиф» и вернуться или в Боровичи, или в Кашниково.

Позвонив маме с жалобой на усталость, услышала в ответ, что пора бы поставить на их участке еще одну теплицу и отремонтировать подпол, в котором подмыты кирпичи с северной стороны.

– Мама, если я столько буду работать, то тебе придется не кирпичи покупать, а надгробную плиту для меня.

– Шутки у тебя, Нина, медицинские.

– На что способна, мама, на то и шучу. Как Сашенька?

– Сашенька – хорошо. Толстеет, вопит с утра до вечера, то конфет, то телевизора требует.

Ему тоже, между прочим, денюшки для еды нужны.

– Поняла, мама, поняла.

Переложив телефон в карман халата, Нина с тоской смотрела в окно, на соседние корпуса больницы, на скудную зелень больничной территории.

– Господи, как же мне нужен отдых. Но если возвращусь в Кашниково – засмеют.

В первый выходной Нина решила выйти в город. В Москве она была один раз в третьем классе. Тогда половину сельской школы рассадили в большой и непривычный «Икарус» и отвезли прямо на Красную площадь, в Исторический музей.

Дети ходили по залам пришибленные, тихие. Ничего из того, что говорила экскурсовод, Нина не запомнила, но осталось сильное впечатление другой, ненастоящей жизни, которая бывает только по телевизору.

Идти далеко от больницы не было сил, не было и желания тратиться на транспорт. Еду Нина не покупала, благо кормили в «Склифе» неплохо и обильно. На полученный аванс она решила купить новые босоножки и зонт.

Для выхода Нина надела почти новые джинсы, собственноручно связанную ажурную кофточку и не привычные кроссовки, а выходные туфли.

Выйдя на Садовое кольцо, Нина стояла минут пять, наблюдая за бесконечным потоком автомобилей. В минуту мимо нее по восьми полосам проезжали сотни машин. И все как одна страшно дорогие.

Людей на улице было столько, сколько Нина не видела за всю жизнь. Великий Новгород, казавшийся ей огромным, теперь вспомнился провинциальным городком.

Нина постаралась чуть улыбаться и идти, повыше подняв голову, легче ступая в своих слегка ободранных туфлях.

Сестра-хозяйка, которую и в пятьдесят с хвостиком все звали Лариса и с которой Нина пила чай три раза в день, советовала ей ехать в Люблино или на Тушинскую, на вещевого рынок.

– Можно еще в «Центробувь» зайти или в «Сток», но там дороже. А здесь, в центре, Ниночка, не цены, а провокация инфаркта. Тряпки и обувь красивые, ничего не скажу, но почти такие же можно купить в пятнадцать раз дешевле.

Нина Ларисе и поверила, и нет. Понятно, что в центре всегда дороже, но не настолько же!

Нине понравилась чистота города. На улице – ни фантика, ни пустой бутылки. Все время ходили парни в зеленой униформе и убирались. А когда она прошла по переходу на другую сторону Садового, к торговому центру, то своими собственными глазами увидела, как мрамор стен мыли пенящимся шампунем.

Торговый центр блистал стеклянными дверями и витринами, металлом ручек, перил, лестниц. Постояв в холле и оглядывая этажи бутиков, или как там называются магазинчики, заставленные вешалками и витринами, Нина решительно подошла к лестнице.

На втором этаже она зашла в обувной раздел и поразились красоте представленных моделей. Подойдя к стенду с обувью, она взяла босоножку с необычной отделкой, на высоком каблуке. Босоножка была не очень удобной, но очень красивой. «Если денег хватит – куплю», – решила Нина и перевернула обувь.

На ценнике было напечатано – семнадцать тысяч шестьсот. Нина взяла соседнюю модель, на ней значилось – двадцать две тысячи триста. Это зарплаты всех четырех доярок в Кашниково, вместе взятых, и с премиальными.

Две молоденькие продавщицы смотрели на Нину со снисходительным интересом.

– Каблук слишком высокий, – постаралась сказать спокойно Нина и поставила босоножки на место.

Она зашла еще в три бутика, на разных этажах, присматривалась к одежде, к сумкам, зонтам и всяким шарфикам. Цены поражали, возмущали и показывали, насколько мало получает Нина и все ее знакомые.

Выйдя из седьмого бутика, Нина поняла, что заблудилась. Походив по коридорчикам между стеклянными магазинами, Нина, краснея от смущения, подошла к смазливому охраннику в черных брюках, белой рубашке и в галстук.

– Извините, я заблудилась.

– Не ты первая, не ты последняя, – весело ответил охранник с вологодским оканьем. – Сам поначалу здесь блуждал, планы рисовал. Пойдем, покажу, где выход.

Охранник гордо пошел на шаг впереди Нины. Нина, потеряв интерес к тряпкам, семенила за ним.

– А чего ничего не купила? – Охранник, улыбаясь, оглянулся. – Шучу. Здесь цены не для простых людей, для миллионеров. Видишь, как народу мало. Телефончик оставишь?

– У меня роуминг новгородский, звонить дорого, лучше вы мне свой, я с работы позвоню.

Охранник протянул визитку, и Нина засунула ее в задний карман джинсов.

– Спасибо.

Выйдя из центра, Нина, дабы не впасть в искушение, аккуратно опустила визитку в урну. Еще не хватало тратить силы на мужиков. Перетопчутся.

Не потратив деньги на обувь, Нина решила поесть в кафешке. «Макдоналса» поблизости не наблюдалось, и она зашла в кафе, расположенное на первом этаже двухэтажного особняка восемнадцатого, как указывала мемориальная доска, века.

В кафе было прохладно и приятно пахло. Охранник и девушка-администратор смотрели на Нину, как те продавщицы из обувного.

– Девушка, вы сначала меню посмотрите... Может, вам ассортимент не понравится.

Администратор кивнула на тумбочку, на которой стоял букет цветов и лежала большая кожаная папка. Нина открыла ее и первое, что увидела – «салат греческий» – 10. Вторым шел «язык заливной» за 15.

– А чего так дешево? – с подозрением спросила Нина.

Администраторша и охранник вздохнули.

– Цены указаны в евро. Умножайте на тридцать пять.

Нина умножила и положила меню на тумбочку.

– Врать не буду, у меня нет таких денег, – призналась она.

– Очень тебя понимаю, – серьезно ответила администраторша.

После кафе Нина никуда не заходила, просто шла по проспекту Мира, смотрела на дома, на людей.

В «Склиф» вернулась усталая и расстроенная.

– Нагулялась? – Лариса поставила перед Ниной блюдо с салатом и тарелку с картофельным пюре и двумя котлетами. – Насмотрелась?

– Я таких денег никогда не заработаю.

– А и не старайся. – Лариса посмотрелась в зеркало, поправила прическу и обтягивающий круглое тело халат. – Судьба сама распорядится. Добавку будешь? Я тебе на всякий случай две порции взяла.

– Буду.

– Вот что мне в тебе нравится, так то, что ты не худеешь. Все на диетах, а ты ешь и не отказываешься.

– Мне бабушка, а она у меня была фельдшером, еще в детстве объяснила, что у меня отличный метаболизм и не надо его сбивать похуданием, хуже будет.

– Оно и правда. Фигура у тебя – смерть мужикам. Заглядываются?

– И заглядываются, и щиплются.

– Все они кобеляки, – высказалась Лариса и достала из холодильника вторую тарелку с котлетами.

И все-таки Нина ушла бы из «Склифа» и уехала домой. Остаться в Москве помог случай.

Убираясь в приемном покое, она столкнулась с очередным больным, привезенным «Скорой помощью». Рядом с каталкой, на которую переложили пожилого мужчину в отличном костюме, стоял огромный парень.

– Инсульт, – поставил диагноз врач.

Специалистом он считался хорошим, но часто брал на лапу, пугая сложным диагнозом и обещая вылечить. А куда ему деваться в сорок лет с двумя детьми на шее и беременной женой?

– Он мой отец, – растерянно бормотал парень. – Ему прямо на работе, на совещании, плохо стало.

– Будем лечить, – особым тоном, оценив материальный уровень и больного, и его сына, успокаивал врач.

Когда Нина нагнулась ближе к больному, тот схватил ее за руку и не отпускал. Он делал это интуитивно, ему так было легче.

Нина оглянулась на здоровяка.

– Вы машину отпустили?

– Нет.

– Это хорошо. В больницах теперь мало лекарств, может, придется в аптеку смотаться.

Дежурный врач отодвинул Нину.

– Н-да, проблема. Ну что же, – врач решительно потер руки, – придется в реанимацию.

– Да зачем ему? – Нина рассердилась. – Шок ведь прошел.

– Вот только мне не хватало, чтобы нянечки мне консультации давали! – взорвался врач.

– Ой, ну зачем ему лишние лекарства, – Нина погладила больного по голове, ощущая что-то не совсем ясное. – Церебролизин, а остальное лишнее, на почки и печень плохо повлияет.

Рука пожилого мужчины приподнялась, он что-то промычал. Нина опять взяла его за руку, и он успокоился.

– Меня Василием зовут, – громко и весьма настойчиво заговорил здоровяк, обращаясь к врачу. – У вас есть платное отделение? Я в состоянии заплатить за хорошее обслуживание отца. И официальный тариф оплачу, и сиделку найму.

– Есть у нас, есть. – Доктор внимательно посмотрел на ободранный, несмотря на защитную пластиковую полосу, угол стены. – Прайс-лист мы вам представим, но все равно надо как-то персонал простимулировать.

– Да понял я, доктор, – привычным движением Василий достал портмоне, вынул из него хорошую купюру и положил в карман врача.

– Спасибо, – с достоинством поблагодарил врач и небрежно добавил: – А с сиделкой лучше напрямую договариваться, они у нас за любую сумму готовы.

Василий перегнулся через каталку:

– Девушка, когда у вас кончается рабочий день? Я нанимаю вас в сиделки.

Нина хотела возразить... и испытала мгновенную уверенность в свалившемся на нее шансе в лучшем повороте судьбы. Она, не отпуская руки больного, поспешно согласилась.

– Я могу отпроситься. Мне отгулы положены.

– Договорились, – Василий смотрел на бледного отца, на перекошенное инсультом лицо.

Каталку врач и Нина завезли в грузовой лифт.

– Телефон! – Василий постучал по карманам, нашел визитку, передал Нине, сделав шаг в большой лифт. – Вот тот, что средний, это мой постоянный. Как узнаете что-нибудь, сразу перезвоните. Отца зовут Аркадий Андреевич.

Выталкивая Василия из лифта, Нина с удовольствием дотрагивалась до мужского крепкого тела.

– Я поняла, поняла. Вы не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Равнодушный лифтер отодвинул Нину и с грохотом закрыл дверь.

Нина сидела у постели Аркадия Андреевича весь день и ночь, отходя только в туалет. Ей выделили соседнюю постель в палате на двоих. Нина, зная, что больные могут быть всякие, побрезговала ночью лечь на матрас в пятнах. Утром выдали свежее белье, и она проспала полдня.

Вечером приехал Василий, привез продукты, вещи, тапки и гигиенические принадлежности. Он подробно обсудил условия работы Нины. Названная сумма за услуги индивидуальной медсестры сильно впечатлила Нину.

– И еще, – Василий отпил коньяка из плоской металлической бутылки, – я теперь в два раза больше буду работать, за себя и за отца, так что часто не отвлекай, могу наорать.

– Намек поняла, доставать не буду.

Поцеловав отца, Василий внимательно оглядел Нину, отчего у нее поползли по телу мурашки, и вышел из палаты.

Ночью, чтобы не терять времени, Нина сходила в общежитие «Склифа», взяла необходимые вещи и полностью переселилась в палату Аркадия Андреевича.

В ее обязанности входили внутривенные и внутримышечные уколы, впихивание в капризного больного таблеток, уборка палаты, ревизия принесенных продуктов и ответы на бесконечные дурацкие телефонные звонки.

Аркадий Андреевич пришел в сознание на следующий день, еще через три дня смог сносно выговаривать первые слова и объясняться с помощью жестов.

Нина вспоминала больницу в Боровичах. Ну не сравнить. Там даже одноразовые шприцы больные должны были приносить с собой, не говоря уже о капельницах. Конечно, для тяжелых больных все это находилось, но как только пациент переставал ждать общения с Богом и начал интересоваться, что там за окном лечебного учреждения, так медицинский интерес к нему резко падал, и спасение больного становилось его сугубо личным делом.

Реабилитация проходила с помощью родственников, при их же подкормке, поскольку о меню столовых бюджетных больниц в провинции говорить можно либо с юмором, либо с матом.

А вот санитарки выполняли свои обязанности в Боровичах ответственно, почти как в этом, платном, отделении.

Новость о том, что есть такая уникальная Нина, которая безболезненно делает самые сложные уколы и перевязки, не только осталась в «Склифе», но и распространилась по всей больнице. Однако к Нине стали обращаться не больные, которые не очень-то ориентировались в сложной системе отделений и корпусов. Нет! Теперь о помощи ее просили сами медсестры, и особо Глафира Ивановна. Уж они-то профессионально оценили качество работы Нины и ее особые способности.

Просьбы медперсонала помочь «по старой доброй памяти» Нина, обиженная прошлым равнодушным обращением, отвергала самым действенным способом. Она рекомендовала обратиться напрямую к Василию, сыну своего индивидуального пациента. Куда их посылал Вася, она догадывалась, и после трех просьб «помочь по дружбе» других не поступало.

Василий и жена Аркадия Андреевича, Елена Борисовна, приезжали через день. И ежедневно ломились посетители.

Когда Аркадий Андреевич спал, Нина шипела на посетителей и выводила их в маленький холл, где просила написать записку на специально выставленной тумбочке. Если спала Нина, то Аркадий Андреевич заставлял пришедшего говорить тише, не будить спасительницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.